

На переломе — эпизод 17 из 27

Если к нему кто-нибудь из воспитателей и учителей обращался на ты (это иногда случалось), то отчаянный обрывал хриплым басом:

Ты мне не тычь! Я тебе не Иван Кузьмич!

В конце концов начальство махало на них рукой и дожидалось только, когда отчаянный, не выдержав вторично экзамена в одном и том же классе, оставался на третий год. Тогда его отправляли в Ярославскую прогимназию, куда ссылали из всех гимназий России все, что было в них неспособного и порочного. Но Ярославская прогимназия и та сортировала отчаянных и спроваживала их в свою очередь в Вольскую прогимназию. Об этой Вольской прогимназии между воспитанниками ходили самые недостоверные, но ужасные слухи. Говорили, что там прогимназистов обучают различным ремеслам простые кузнецы, слесаря и плотники, которым предоставлено право бить своих учеников; говорили также, что там по субботам обязательно дерут всех учеников: виноватых в наказание, а правых в поощрение, на что будто бы каждую субботу истребляются целые воза ивовых прутьев.

Каждый отчаянный знал, что рано или поздно ему не миновать Вольской, и постоянно бравировал этим, бравировал, если только можно привести такое сравнение, с тем же напускным самохвальством, с каким арестант, осужденный на каторгу за крупное убийство, хвастается и куражится перед мелкими воришками:

Ну что ж, в Вольскую так в Вольскую! говорил отчаянный, сплевывая сквозь зубы. Не боюсь никого, кроме бога одного!

Трое отчаянных особенно резко запечатлелись в памяти Буланина, и впоследствии, уже окончив гимназию, он нередко видел во сне, как ужасный кошмар, их физиономии. Эти трое были: Грузов, Балкашин и Мячков все трое без роду, без племени, никогда не ходившие в отпуск и взятые в гимназию из какого-то благотворительного пансиона. Вместе они составляли то, что в гимназии называлось партией.

Грузова товарищи прозвали Волком (конечно, никому из слабеньких не приходило в голову назвать его так), и действительно, в нем было много общего с этим ночным грабителем: и развалистая походка, и взгляд исподлобья, и хищные инстинкты, и подлая смесь наглости с трусостью. Перед силачами, перед богатыми товарищами он униженно заискивал. Некоторые, не без основания, подозревали его в двух-трех кражах, но оставляли его в покое частью по неимению улики, частью из боязни его злопамятства. Из всей партии он был бесспорно самый глупый, самый сильный и самый трусливый.

Весь возраст отлично помнил, что однажды, когда Грузова вели сечь, он ползал у директора в ногах и целовал его сапоги. При каждом слове, на каждом шагу он ругался, как пьяный солдат, самой площадной бранью, и это служило ему оружием, при помощи которого он держал в руках даже силачей. Всякий намек на сентиментальность, всякое проявление порядочности: жалость к обижаемому мальчику, сострадание к истязуемому животному, участие к больному преподавателю в какой бы форме эти чувства ни выразились он встречал их таким градом сквернословия, что виновный невольно начинал стыдиться своего хорошего движения. И его глумление действовало тем неотразимее, что Грузов все-таки обладал хотя и грязным и циничским, но несомненным юмором.

Второй из партии Балкашин был прямо-таки чудовищем. Все животные инстинкты, какие себе только можно представить, развились у этого двенадцати-тринадцатилетнего мальчика до невероятной степени. Награбив целую гору сластей и домашней провизии, он прятал всю добычу в постель и потом, покрывшись с головой одеялом, поедал ее потихоньку, как настоящий зверь. После рождественских праздников он выкидывал из своего стола все учебные пособия, так как туда иначе не могли бы вместиться нахватанные им гостинцы. И он ел их с утра до вечера, во время уроков и в перемены, до обеда и после него. Едва успев обглодать курицу, он брался за смоквы, потом без малейшей передышки переходил к свиному салу, которое тотчас же закусывал тянучками и калужским тестом. Случалось, что среди этой оргии лицо Балкашина вдруг принимало бледно-зеленый оттенок, а глаза становились мутными и страдальческими... Но и тогда, прежде чем стрелой выскочить из класса, он находил в себе настолько самообладания, чтобы запереть свой столик на огромный висячий замок. При добывании гостинцев Балкашин не брезговал никакими средствами, а за обедом и завтраком подбирал и выпрашивал всякие огрызки.